

Василий
ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Сердце,
тебе не хочется
покоя!

Василий Иванович Лебедев-Кумач Сердце, тебе не хочется покоя!

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4442019

Сердце, тебе не хочется покоя! / Василий Лебедев-Кумач: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-59940-0

Аннотация

Василий Лебедев-Кумач – автор второго гимна СССР «Широка страна моя родная» – писал в первый период своего творчества совсем в духе Серебряного века. Но время перемалывало таланты – Лебедев-Кумач поверил в новоустановленный порядок, став автором позитивных песен «Как много девушек хороших...», «Закаляйся!». Даже лирическая «Утро красит нежным светом...» и задорная «Капитан, капитан, улыбнитесь...» несли в основе своей ритм марша, они мобилизовывали и призывали. Удачливый автор совпал с этими яркими молодыми веселыми плакатами первых пятилеток. Эти песни несли в себе атмосферу времени и стали символами эпохи, их по-прежнему поют благодаря искренности и неподдельности чувств поэта, создавшего их. В этой книге впервые опубликованы не только известные и любимые многими песни, военные стихотворения поэта, но и ранние стихотворения, которые долгие годы лежали в столе автора рядом с письмом от первой учительницы и ждали того часа, когда им суждено будет быть изданными и предстать перед судом потомков.

Содержание

Отрок пламенный Василий	6
Неизданное	8
Поэзия	8
Пушкину	9
В утешение	10
Сочельник	11
«Средь войны, убийств, насилий...»	12
Южный говор	13
«Ночь. Качаются лениво...»	14
Улыбка	15
Моление	16
В лесу	17
Отблеск	18
«С зимы до мая...»	19
«Все те, кто любит угол тусклый...»	20
«Кто в театре плачет жалко...»	21
«Я – глубокий, страдавший и взрослый...»	22
«Силуэтно лиловится купол...»	23
Осень	24
«Рожь да небо. Ветра взмахи...»	25
«Вместо лавра пахучие елки...»	26
Номо sum	27
«Пролетели крылатые святки...»	28
«Сквозь решетку из черных квадратов...»	29
«За стенкой ветер неистов...»	30
Сонет	31
«День, как молния, великий...»	32
Матери	33
«Пусть листает ветер книги...»	34
«В размягшем тротуаре...»	35
У заводских ворот	36
Сестре	37
«Пускай мои печали тебе смешны и вздорны...»	38
«Люди, бросьте ваши преферансы!..»	39
«От работы утомленный...»	40
Романс	41
Песенка	42
«Поезд тащится устало, упорно...»	43
«В час, когда покров телесный...»	44
«Когда мне говорят: суббота...»	45
«Падают звезды осеннею ночью...»	46
«Четкость линий, белый иней, бодрый холод...»	47
«Старый грек сидит в кофейне...»	48
«Я, кто любовью так недужен...»	49
«Я дрожал как в лихорадке...»	50
Разлука	51

«В блокноте нашел я старый...»	52
«Вся хрупкая, вся зыбкая...»	53
«Нынче – ярко до слез. Мы вдвоем...»	54
«Как сотни лет назад нечаянно и просто...»	55
«Вечер закатный, весенний и вербный...»	56
«Почему я грущу? Вот чудак! Почему?...»	57
«Я с Богом борюсь, как Иаков...»	58
«Очень тщательно и строго...»	59
«Я живу и страдаю за всех...»	60
«Моя душа – причудливая сцена...»	61
«Колеса размерно выстукивают...»	62
«Юный клерк сидит за меморьялом...»	63
«Я люблю ходить по Зарядью...»	64
«За годом год устало ставит вехи...»	65
Картина Рубенса	66
Стихи на полях книги Овидия	67
«Я слишком пью из чаши бытия...»	68
«О, сколько бессмысленной боли!..»	69
«В жестокий час, когда нас рок обидел...»	70
«Бегут поля с овсом и рожью...»	71
«Вот так проживешь незамеченным...»	72
«Присел у камина и съежился...»	73
Портрет работы Боровиковского	74
«Восток взметнул оранжевые струи...»	75
«Устал от любви и работы...»	76
«Сузилась алая трещина...»	77
«Дома – одиночные камеры...»	78
«В смерти моей прошу никого не винить...»	79
«Стучали под ветром вывески...»	80
Памяти Н.И. Белякова-Горского	81
«Дум бесчисленных не издумаешь...»	82
«Незванно появился новый...»	83
«Спина – к земле, глаза – в простор...»	84
«Я богатства свои не меривал...»	85
«Мы – дети скорби, гнева и печали...»	86
Сон на страстной неделе	87
«То взором ласковым, девичьим...»	88
Тебе. О тебе. И вокруг тебя	89
«Сумрак сизый стелет ризы...»	89
«Тепло из телефонной трубки...»	89
«Мы лежим на желтом пляже...»	89
«Если б с тобой побежать по полю...»	90
«Твой шаг, твой взгляд, твой смех и голос...»	90
«Завтра нет. Вчера уныло...»	90
«Когда люблю всерьез и сильно...»	91
«Живешь и будешь жить далеко...»	91
Надпись на «Книге Песен» Генриха Гейне	92
Надпись на книге Пушкина «Пиковая дама»	93
Стихотворения	94

Жаркая просьба	94
В Москву!	95
Два мира	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Василий Лебедев-Кумач

Сердце, тебе не хочется покоя!

Отрок пламенный Василий

Пожелтевший листок бумаги, исписанный четким «учительским» почерком: *«Дорогой Василий Иванович! Только на днях я узнала, что наш знаменитый поэт В. И. Лебедев-Кумач не кто иной, как мой бывший ученик Вася Лебедев. Я очень рада и горжусь, что мой ученик стал таким известным человеком... Много лет прошло с тех пор, как у меня учился Вася Лебедев в бывшем Пятницком мужском городском училище, но до сих пор у меня осталось яркое воспоминание о живом мальчике, уже тогда увлекавшемся стихами. Помню, как хорошо говорил он стих Некрасова «Орина – мать солдатская»... Ваша старая учительница О. Александрийская»*. На обороте письма надпись карандашом: *«Отвечено 12/IX-38. Сохранить обязательно»*.

24 июля 1898 года по старому стилю в семье замоскворецкого сапожника родился последний, пятый по счету ребенок, нареченный по святцам Василием. Был он огненно-рыжим и веснушчатым. Мать прозвала его «кумачонком». (Не это ли первопричина будущего «революционного» псевдонима?) Сначала в доме был некоторый недостаток. Отец владел мастерской и небольшим обувным магазином. Но перед империалистической войной дела пошли плохо, магазин пришлось продать, разорившийся хозяин заболел горловой чахоткой и вскорости умер. Призванный на фронт старший брат Василия погиб в австрийском плену. Семья, оставшаяся без кормильца, бедствовала. Спустя годы в автобиографии Лебедев-Кумач напишет, что в это тяжелое время он начал сочинять стихи.

Первая учительница Ольга Платоновна Александрийская выхлопотала своему лучшему ученику стипендию, учрежденную профессором-историком П. Г. Виноградовым для особо одаренных детей, благодаря которой мальчик смог учиться в гимназии. Тогда же пришло увлечение латынью и античной поэзией. Он пробовал переводить Катулла и Горация. Однажды вернувшийся в Россию из Англии профессор-благотель решил устроить экзамен гимназисту Лебедеву. Вопросы из истории и словесности, из латыни и классической литературы, на которые пришлось отвечать, Василий Иванович помнил потом всю жизнь. Профессор остался доволен, сохранил стипендию и пообещал по окончании гимназии взять мальчика в Оксфорд.

Учиться в Оксфорде ему не пришлось, как не пришлось получить золотую медаль, присужденную выпускнику 10-й московской гимназии Василию Лебедеву. Золота в России не хватало. Шел 1917 год.

«Нынче грезы всех столетий/ Оправдались наяву./ Как приятно, что на свете, /Что в России я живу! – написал он в марте того же года, а дальше уже в прозе: *– Я боюсь ошибиться, боюсь показаться дряблым, старым и ненужным бодрой Новой России... Теперь, не видя природы, в городе, где нищета и труд непосильный, – болею и мечусь, и все бесплодно, никому от того не теплее. Как бы хотел я впить в себя все людские страдания...»*

Так, в сомнениях и тревогах, начиналась жизнь будущего знаменитого советского поэта. Об этом – его стихи тех лет. Сегодня они публикуются впервые. Лебедев-Кумач хранил свои юношеские тетради на дне ящика письменного стола, рядом с письмом от первой учительницы...

В первые годы советской власти Василий Лебедев становится журналистом, газетчиком. «Рабочая газета», «Гудок» журналы «Лапоть» и «Крокодил» – на страницах этих изданий он впервые начал подписываться псевдонимом «Кумач», впоследствии слившимся с

его фамилией. Стихи «на злобу дня», сатира, фельетон, тексты для представлений «Синей блузы» – работа, поглотившая его полностью, на деле не оставляла возможности писать «в стол». Поэт Лебедев-Кумач, чья пламенная шевелюра с годами покрывалась пепельной сединой, считал себя обязанным соответствовать историческому контексту. Стихи рождались из-под его пера, чтобы тут же переключаться на газетные полосы. «Массовая» поэзия, понятная народу, вчера победившему собственную неграмотность, и не требующая поисков философского смысла, была необыкновенно востребована и давала мгновенную отдачу. Лирик стал публицистом. Сожалел ли об этом перевоплощении? В тот момент, безусловно, нет. Слишком искренен был в своих убеждениях, полагая чрезвычайно важным откликнуться рифмой на перелет Чкалова через Северный полюс, рекорд Стаханова или события на озере Хасан. Забыл ли он данные когда-то обещания «по указке не сгореть» и не отдать поэзию свою? Впрочем, этот вопрос из нынешнего века, а как судить одно время по законам другого?

Слава буквально обрушилась на поэта, когда в середине 30-х годов с киноэкранов страны герои первых музыкальных фильмов запели его стихи, ставшие песнями. И следом за героями «Веселых ребят», «Цирка», «Детей капитана Гранта», «Вратаря» и «Волги-Волги» их запели все от мала до велика, кто умел и не умел петь, словно подтверждая старую истину: настоящий талант не бывает одномерным и способен рождать новые грани.

Песенная поэзия Лебедева-Кумача, на первый взгляд отличавшаяся незатейливой простотой, обладала удивительным свойством: его образы зачастую становились некими словесными «крючками», цепляющими эмоциональное восприятие слушателя.

«Как невесту Родину мы любим» – кому из поэтов его времени пришло бы в голову такое сравнение?

«Холодок бежит за ворот,/ Шум на улицах сильней» – описание утренней праздничной Москвы было физически осязаемым. Так же, как и неожиданное сравнение *«С той поры, как мы увиделись с тобой,/ В сердце радость я, как солнышко, ношу»*, рождало ощущение внутреннего тепла.

Нет, не покинул поэта его счастливый дар. Как не покинули сомнения и тревоги. Не могли трескучие газетные рифмы, написанные «срочно в номер», заглушить пронзительность его лирики, той, что, казалось, закончилась с концом Серебряного века. В ночь с 22 на 23 июня 1941 года он написал стихотворение, всеми образами, всеми поэтическими нитями связанное с его ранним творчеством. В момент сильнейшего эмоционального напряжения поэт вернулся к своим истокам. Внимательный читатель без труда обнаружит этот факт. Речь идет о «Священной войне», ставшей впоследствии великой песней.

Война, чьи жертвы были колоссальны, беспощадность сталинских репрессий, послевоенные годы разрухи и неоправданных надежд заставляли людей многое переосмыслить. Уже в первые военные месяцы, отмеченные страшными потерями Красной Армии, Лебедев-Кумач пережил огромную переоценку ценностей. 16 октября 1941 года, когда в Москве была объявлена всеобщая эвакуация и мало кто сомневался, что город будет сдан врагу, доведенный до отчаяния поэт, на вокзале, при огромном скоплении народа, сорвал с лацкана пиджака и швырнул со словами проклятия в портрет Сталина свой орден. Этот поступок стоил ему многих месяцев, проведенных в Казанской психиатрической лечебнице НКВД, выбраться из которой удалось чудом. Потом был фронт, служба на Северном флоте, победный сорок пятый и тяжелая болезнь сердца, справиться с которой Василий Иванович уже не смог.

Он скончался 20 февраля 1949 года в возрасте пятидесяти лет. Песни, пережившие автора на многие десятилетия, поют и теперь. Его поэзия накрепко связана с историей страны, и в этом ее безусловная ценность.

Мария Деева

Неизданное

Поэзия

Всего лишиться я готов —
И пищи и питья,
Готов покинуть теплый кров,
Готов скитаться я.
Готов терпеть позор и срам.
Питать тоску-змею,
Но ни за что я не отдам
Поэзию мою.
Меня тихонько позвала,
И я пошел на зов.
Она мне душу заплела
Венком из звучных слов.
Она поет в груди моей,
Свежа, как вешний день,
И свет и ночь таятся в ней,
И яркий луч и тень...
Тоска ушла, в душе светло,
О сколько мощи, сил!
Сиянье в душу мне сошло.
Я будто воспарил...
Мне хорошо, я возле звезд,
Я верю в чудеса...
Поэзия – волшебный мост
С земли на небеса!

17 октября 1915

Пушкину

Милый Пушкин в бакенбардах!
Я так рад, тебя встречая,
На портретах, на бульваре
И среди твоих стихов.

Ты мне стал таким знакомым,
Что мне хочется порою,
Поклонясь, благоговейно
Твою руку потрясти.

И стихи твои читая
В желтом свете министерки,
Я беседую с тобою
Под шуршание страниц.

Ну их, новых и нахальных!
С их брюзжанием бонтонным,
Их, всю бурю яркой жизни
Претворивших в грезофарс!
Ты – простой, понятно-милый.
За минуты наслажденья

Шлю тебе с земли унылой
Благодарность на Парнас.

4 ноября 1915

В утешение

Пусть ты сегодня ничего не сделал
И все же сделал многое в себе.
Ты каждый миг чертил нетленным мелом
Все то, что ты приписывал судьбе...

Добро и зло растут из полумыслей,
Великие дела – из малых слов.
Никто значенья мысли не исчислит —
Она лежит основой всех основ.

Пусть твоим стремленьям не просторно,
Пусть ты сделать ничего не смог.
Твои мечты – посеянные зерна,
Твоя печаль – грядущего залог.

16 ноября 1915

Сочельник

Так славно в низенькой церковке
Дышать надышанным теплом,
Неловко ежиться в обновке,
Забыть о грешном и пустом.

Смотреть, как блики желтых свечек,
Что купы огненных цветов,
Из мрака выхватили венчик
И темно-строгий лик Христов.

Глядеть, как набожно толпятся
У зацелованных икон,
Внимать, молчать и растворяться,
Как будто видишь сладкий сон.

Через плечо соседу свечи
Вперед к иконе посылать,
Готовить дух к незримой встрече,
Со всеми слиться и мечтать.

Потом идти со всеми вместе,
Крестясь и шаркая, в толпу
И ощущать душистый крестик
От мягкой кисточки на лбу...

24 декабря 1915

«Средь войны, убийств, насилий...»

Средь войны, убийств, насилий,
Средь нужды и серых дел
Отрок пламенный Василий
Бодро тянет свой удел.

4 февраля 1916

Южный говор

Вы, северяне, родились из холода,
Тонкою пленкой лег на вас лед.
Смех ваш размеренный слышен не молодо.
Голос ваш ровный ручьем не поет.

Речь ваша сонная вся однотонная,
Бледная, бедная взрывностью слов...
Чужда вам южная речь перезвонная,
Речь ручейков, ветерков и цветов.

Сладко-недужны все песенки южные,
Речи певучие речкой журчат,
Точно рассыпал кто бусы жемчужные.
Точно вдали колокольцы звучат.

В счастье и горе, под солнцем и тучами,
Мягко и плавно южане поют,
Словно роднятся словами певучими,
Ткут незаметно на сердце уют.

Где б ни слышалась речь серебристая.
Милое, славное, мягкое «га».
Чудится солнце и взоры лучистые.
Чудятся пряного сена стога.

9 февраля 1916

«Ночь. Качаются лениво...»

Ночь. Качаются лениво
Желтой цепью фонари.
Простучал трамвай тоскливо
номер «три».
Или «пять». Прикрыть бы веки.
Ветер веки холодит.
Полутьма. Лишь у аптеки
свет горит.
Ноги двигаться устали.
Поскользнулся. Чуть не лег.
Что за черти накатали
тут каток?
Кто-то сзади дробит четко.
Женский шаг. Посмотрим – кто.
Хм... Гулящая походка
и в манто...
Э, да черт с ней! Свежим хлебом
Из пекарни понесло.
Подышал, взглянул на небо —
тучек нанесло.
Сторож к сторожу тащится
Погуторить и курнуть.
Поскорей бы лечь, укрыться
и уснуть.

4 марта 1916

Улыбка

Солнечным утром от счастья пьян я возвращался
от милой.
Рыжий! – мальчишка кричал, вздумав меня
подразнить.
Я улыбнулся: мальчишка смешливый, конечно,
не знал,
Как целовали сейчас рыжие кудри мои.

3 апреля 1916

Моление

В дни тяжелые сомнений
Сумрак тяжкий отгони.
Сладким мигом вдохновенья
Время скорби осени.
Пусть среди упадка духа
Словно вешний ветерок
Моего коснется слуха
Радость рифм и стройность строк.
Чтобы тяготы отпали,
Чтобы снова сильным стать,
И дорогу от печали
Смог я людям указать.

2 мая 1916

В лесу

Пахнет крапивой и прелыми листьями.
Все в паутине кусты бузины.
Глянешь меж листьев: под синими высями
Тучки прозрачные еле видны.
Узкая тропка кем-то проложена,
Тихо шагаю незнамо куда.
Плотный осиновый лист, словно кожаный,
Ветер сорвал и мне на руку дал.
Лист мне попался достойный внимания —
С пестрым жучком и слезинкой росы.
Слезка на солнце играет сиянием,
Жук, испугавшись, топорщит усы.
Бережно лист положивши осиновый,
Лег на лужайке средь вешних берез —
Слушаю счастливо говор малиновый,
Щелки кузнечьи и стрекот стрекоз.
Радостно сердце, покоем объятое,
Запахи леса щекочут в носу.
Ах, хорошо бы под пряною мятою
Вечно лежать на лужайке в лесу.

5 мая 1916

Отблеск

Никифору Ивановичу Мореву

Сегодня я стал вспоминать о далеком,
И, свет потушив, на кровать полулег,
И вдруг увидел я невидящим оком
Звездистое небо и облачка клоч.

Пушистый песок, словно крупные гряды,
И в море незримых судов огоньки,
Почудилась смутно ночная прохлада
И шелест прибоя и запах камки.

Припомнилась яркая белая змейка
На бархате моря от лика луны,
И запах гвоздики, пьянящий и клейкий,
И сны золотые, и дни, точно сны.

Исчезло пространство, и миг отодвинут.
И чувства припомнили старую роль.
Во времени радужный мост перекинут...
И прежняя радость и прежняя боль.

8 мая 1916

«С зимы до мая...»

С зимы до мая
Терпел дома́ я
И грязь городскую —
А нынче тоскую
И хочется в лес,
Где купол небес,
Высокий и чистый.
Где звезды лучисты
Глядят с высоты
В поля, где цветы,
Где посвисты птичьи
И смехи девичьи
Вольны и легки,
Где есть мотыльки
И нет ни домов,
Ни тоскливых гудков.

21 мая 1916

«Все те, кто любит угол тусклый...»

Все те, кто любит угол тусклый,
От чуждых спрятавшись людей,
Чей каждый съездившийся мускул
Болит от гама и огней,
Все, кто краснеет, кто заики,
Все, кто стыдится красных рук,
Кто улыбается безлико
И невпопад хохочет вдруг, —
Все милы мне и страшно близки.
Их всех хочу я приласкать,
За плечи взять, склониться низко
И что-то теплое сказать.

Мне дорога их одинокость,
Картинность неуклюжих слов,
В них часты свежесть и глубокость
И отпечаток детских снов.

12 ноября 1916

«Кто в театре плачет жалко...»

Кто в театре плачет жалко,
Кто мечтает над стихами,
У кого висит «лошадка»
В светлой зале в пестрой раме,
Тот счастливей, лучше, проще
Пропитавшихся Бердслеем,
Слабых жизнью, чувством тощих,
Тех, кто скукою лелеем.
Не вернут большого чувства
Лживо-греческие тирсы.
Лишь тому – как луч искусство,
Кто гореть не разучился.

11 декабря 1916

«Я – глубокий, страдавший и взрослый...»

Я – глубокий, страдавший и взрослый
Пред тобой, как ребенок, стою.
И рассудка ослабшие весла
Не удержат желаний ладью.

Я, боровший тоску в поединке,
О мирской размышлявший судьбе, —
Не смешно ли? – я с брюк все пылинки
Отряхнул, собираясь к тебе.

1916

«Силуэтно лиловится купол...»

Силуэтно лиловится купол
На оранжевой дымке восхода...
Грузовик с перебоем прохлюпал,
Прогнусавил гудок у завода.

Дует ветер, болезненно-знобкий,
Пробирается льдинкой за ворот.
Неохотно, медлительно, робко
Просыпается утренний город.

1916

Осень

Скука-мука, скука-жалость
В душу втиснулась тайком,
Присосалась, влипла, вжалась
Гнойно-ноющим комком...

Нет минут простых, хороших,
Ум от дум усталым стал.
Кто-то серенький, в калошах,
Сны о счастье растоптал.

1916

«Рожь да небо. Ветра взмахи...»

Рожь да небо. Ветра взмахи
Зашуршали вдоль хлебов,
Вздули парусом рубахи
У прохожих мужиков,

Заклубили пыль, как пряжу,
Унеслись за дальний лес...
А у края тучи мажут
Бирюзовый луч небес.

Ниже ласточки-повесы
Чертят по полю крылом...
И раскатисто за лесом
Пробасил далекий гром.

Стало в воздухе сырее, —
Как бы вдруг не полило!..
Дальним пятнышком сереет
Одноцветное село.

1916

«Вместо лавра пахучие елки...»

Вместо лавра пахучие елки
Ты мне в волосы мягко вплела
И в тепло шелестящего шелка
Мою голову тихо взяла.

Трепетали струистой улыбкой
Осиянные лучики глаз,
И на сердце огнисто и зыбко
Бесконечная радость вилась.

Что-то пело в душистом эфире,
И лучился незримый стихарь...
В серой комнатке три на четыре
Я вчера был увенчан, как царь.

1916

Homo sum

1

Сложив учебники на полку
(К чертям плоды высоких дум!),
Брожу без цели и без толку.
Не будьте строги: homo sum!

Внизу – земля весной объята,
Вверху – пустой простор небес,
А посреди идет куда-то
Весною тронутый балбес.

Сегодня шел под ручку с милой,
Был от любви в душе самум.
Поцеловал – она бранила,
Я защищался: homo sum!

Как управитель без хозяев,
Забросив к черту едкий ум,
Иду с толпою шелопаев,
Не удивляйтесь: homo sum!

1916

¹ Homo sum! (лат.) – человек слаб.

«Пролетели крылатые святки...»

Пролетели крылатые святки
С непрерывным мерцаньем огней,
С учащенным житьем без оглядки,
С вереницею новых людей.

Тело скучно сковала усталость.
Все, что было, в душе словно груз.
Только нежная память осталась
О сиянье бубенчатых бус.

Заслезилось окно втихомолку,
День плетется ленивым шажком,
На дворе – побуревшая елка
С одиноко забытым флажком.

1916

«Сквозь решетку из черных квадратов...»

Сквозь решетку из черных квадратов
У казарм в разноцветных платках
Смотрят бабы, как учат солдатиков,
Уцепившись за прутья кой-как.

«Взвейтесь, соколы, орлами!» —
Лихо кличут тенора.
Снег звенит под сапогами,
Звонко катится «ура!»...

Но не верят ни песни, ни лихости
Эти бабы с душою ребят,
И в унылой и стынувшей тишине
Лица грустны и веки дрожат.

1916

«За стенкой ветер неистов...»

За стенкой ветер неистов,
Снег скребет стекло,
А в комнате – чай душистый,
Все светло и тепло.

Умолкла дневная шумиха,
Вьюга – озноб и дрожь.
На сердце ясно и тихо,
Вечер беззвучный хорош.

День прошел – не увидел.
День за делом – что час.
Никого ничем не обидел —
И вот хорошо сейчас.

11 февраля 1917

Сонет

Сразив ужасную Химеру
И амазонок одолев,
Беллерафонт, как юный лев,
Кипел отвагою и верой.

Ему прискучил облик серый
Земных утех – и ласки дев,
И флейты праздничный напев,
И на пирах вино без меры.

Земное счастье прокляня,
Пегаса, дивного коня,
Он оседлал и к звездам взвился...
Но людям заперт вход небес.
Его стрелой сразил Зевес,
Он пал на землю и разбился.

14 февраля 1917

«День, как молния, великий...»

День, как молния, великий,
День – сиянный ураган!
И в ушах все крики, крики,
Сердце полно, разум пьян.

От восторга токи крови
Чуть не хлынули из жил...
День свободы, светлой нови,
День, когда не спал, а жил!

Нынче грезы всех столетий
Оправдались наяву.
Как приятно, что на свете,
Что в России я живу.

Встали силы молодые
Жизнь свободную ковать...
Если б сразу всю Россию
Охватить, поцеловать!

1 марта 1917

Матери

На колени возьми мою душную голову,
В светлой грусти промолви: «Красавчик ты мой,
Василек!» И растает печальное олово,
И придет в мою душу желанный покой.

В ласке матери есть бесконечное, нежное,
Сонный запах травы и сияние звезд.
Она лечит печаль и безверье мятежное,
Она к Богу возводит невидимый мост.

Я большой и ничтожный, безверьем страдающий,
Немудреным созвучием слов излечусь,
И взлетевший над тленом, о звездах мечтающий,
В этой ласке в надзвездные дали умчусь.

3 мая 1917

«Пусть листают ветер книги...»

Пусть листают ветер книги,
Настежь окна – и дыши!
Спали ржавые вериги
С истомившейся души.

Как ярки у женщин платья.
Как трепещет зыбкий смех.
Если б мог поцеловать я
Солнце, небо, все и всех!

Побегу, и будут камни
Под подошвами звенеть...
Солнце, солнце, бей в глаза мне.
Дай мне душу обогреть!

Как прекрасен воздух Божий,
И лазурь так глубока.
Ярче, солнце! Эй, прохожий,
Улетим под облака!

10 мая 1917

«В размягшем тротуаре...»

В размягшем тротуаре
Удар шагов заглушен.
Нещадно, знойно парит,
И воздух пыльно душен.

Томят людские лица
И грохот экипажей,
И нудны вереницы
Домов разноэтажных.

И хочется в пустыню,
В поля к цветам и травам,
Где небо ясно-сине,
И нет людской отравы.

Уснуть под сennым стогом.
Упитья – полной грудью,
И синей ночью с Богом
Беседовать в безлюдье.

18 мая 1917

У заводских ворот

Заплевано, захаркано,
Задымлено, задушено,
Заляпано, зашаркано,
И светлой нет отдушины.

Усталые, разбитые,
С подглазницами черными.
Иссохшие, изжитые
Идут путями торными.

И звезды запыленные
Мигают в сером мареве...
А где-то благовонные
Поля в лучистом зареве.

20 мая 1917

Сестре

Что написать сестре на именины?
Будь, как была мне, близкой и простой
И в час тоски, томительный и длинный,
Не забывай: тоска – мираж пустой.

Есть радость в том, что мы живем на свете,
Смеемся, ходим, мыслим и скорбим.
А кто мы здесь – никто нам не ответит,
И властен дух над мигом лишь одним.

Сплети кольцом сиянным эти миги,
Холодный разум в сердце не пускай.
У нас есть солнце, молодость и книги,
И круг семьи, и этот жаркий май.

Давай любить нежнее нашу маму,
И горе вместе мыкать и нести,
И, может быть, в пустую жизни раму
Узор цветной удастся нам вплести.

21 мая 1917

«Пускай мои печали тебе смешны и вздорны...»

Пускай мои печали тебе смешны и вздорны,
Я вижу, ты беспечна, светла и весела —
Сестра, не пой сегодня, не смейся так задорно:
Еще одна надежда сегодня умерла...

Ты скажешь: по надеждам неумно править тризны,
Когда весна и радость повсюду разлита —
Что ж, пусть я глупый мальчик! Не надо укоризны,
Я нынче в черном крепе, я нынче — сирота.

24 мая 1917

«Люди, бросьте ваши преферансы!..»

Люди, бросьте ваши преферансы!
Вскиньте к небу сонные глаза —
Там вверху нежнейшие нюансы,
Перламутр, опал и бирюза.

Облаков лиловые волокна
Заплелись трепещущим клубком.
Распахните, люди, ваши окна,
И не надо сплетен ни о ком!

Поглядите трепетно и немо
В разноцветный гаснувший чертог —
Там вверху великая поэма.
Там вверху печальный смотрит Бог.

2 июня 1917

«От работы утомленный...»

От работы утомленный
На скамейке лег в саду,
И сквозь дрему отдаленно
Вижу первую звезду.

Вслед другие расцветают,
В ласках ветра голова.
Свет янтарный тихо тает,
Точно кружево листва.

Пронеслись вороньи свадьбы.
Скрылись. Стихло все опять...
Так бездумно и лежать бы,
И смотреть, и отдыхать.

25 июня 1917

Романс

Тени голубые – вечера предтечи —
Сад избороздили матовою сеткой.
Нынче час свиданья, час вечерней встречи,
Ты придешь под милой белой вуалеткой.

Будут слать гвоздики нам благоуханье,
Спрячут нас от взоров вычурные туи.
И на вуалетке, влажной от дыханья,
Пурпур губ сольется в первом поцелуе.

*Анапа
2 июля 1917*

Песенка

Млеют яблони душистые
В бледно-розовом цвету.
Серебристые, лучистые
Я цветы венком сплету.
Лепестки вокруг нападали
Нежным шелковым ковром,
И от неба ли, от сада ли
Бледно-розово кругом.
Тает в небе тучка медная,
Червонеет высоко...
Спи, моя царевна бедная,
Змей-Горыныч далеко.

12 августа 1917

«Поезд тащится устало, упорно...»

Милой крестной посвящаю

Поезд тащится устало, упорно,
Тукают мерно колеса.
Небо раскинулось пологом черным,
Темными стали покосы.

Дрема солдатские нянчит вагоны,
Ветер гудит невеселый.
Тихо, неслышно уходит с иконы
Светлый угодник Никола.

Ходит по поезду добрый и грустный,
Светлые сыплет слезинки
И над усталыми тихо, искусно
Сонные ткёт паутинки.

Тихий, печальный проходит креститель,
Злые предчувствуя битвы,
Матери, брату, жене и невесте
Милых спасая молитвой.

Молится седенький внятно и тихо:
«Благостен подвиг ваш ратный,
Пусть вас минуют напасти и лихо,
Здоровыми ехать обратно...»

9 августа 1917

«В час, когда покров телесный...»

В час, когда покров телесный
Зябко сжат в больном огне,
Всем случалось с Неизвестным
Говорить наедине.
Всем случалось вспыхнуть верой
И былое осудить,
И стремиться в жизни серой
Вновь по-светлому зажечь.

Но крепчали жизни силы,
Удалялся злой недуг,
И стремление уходило,
Как нечаянный испуг.

Я душою вечно болен,
Я – хронический больной,
Век ищу, век недоволен,
Мой недуг – всегда со мной.

3 сентября 1917

«Когда мне говорят: суббота...»

Наташе Цветковой

Когда мне говорят: суббота,
Я вижу – комнатка простая,
В углу у длинного киота
Лампадка ало-золотая.

Скупой уют, ни тени блеска,
На подоконнике герани,
И чуть колышет занавески
Тепла незримого дыханье.

Сквозь окна вечер синью светит,
Тушует мягко обстановку,
И виден смутный силуэтик
У входа в низкую церковку.

18 октября 1917

«Падают звезды осеннею ночью...»

Падают звезды осеннею ночью,
сух и прозрачен лесок.
Серые тучи, как ватные клочья,
Спрятали неба кусок.

Молча стою у березы бескудрой.
Тишь затаила испуг.
Пудрой пушистой, серебряной пудрой
Все запушилось вокруг.

Звезды как будто повисли на ветках,
С небом поля обнялись,
В синих, ажурных, затейливых сетках
Четкие тени сплелись.

Век бы смотреть, да повеяло дрожью.
Осенью грустно в лесу...
Тени и месяц, и веянье Божье
Как я с собой унесу?

20 октября 1917

«Четкость линий, белый иней, бодрый холод...»

Четкость линий, белый иней, бодрый холод,
хрупкий путь,
Воздух чистый и душистый непривычно
нежит грудь.
Тиха тая, золотая угасает
полоса.
Переливно синий полог протянули
небеса.

Сердце радо, и не надо ни сомнений,
ни забот,
Дух оживший пружит тело, дух
для радости живет...
Все возможно, все понятно,
все имеет смысл и цель.
Этот миг один осмыслил
череду пустых недель.

15 ноября 1917

«Старый грек сидит в кофейне...»

Старый грек сидит в кофейне
Целый день за чашкой кофе.
Тяжко улица грохочет,
Небо синее молчит.
Старый грек с лицом иссохшим
Полулег на белый столик
И смешно жуёт губами,
И на солнышко глядит.

Где-то борется полмира,
Где-то гибнут в битве жизни,
Куют мысли и машины
Под навесом грузных крыш.
Где-то слезы, где-то крики,
Кто-то умер и родился,
Где-то пекло, где-то хаос,
А в кофейне тает тишь.

Смутно слышны плески моря,
Женский смех и брань торговцев.
Голубь сел на тротуар,
Чистит сизое перо.
Солнце камни раскалило,
Но прохладно под навесом
Греку старому уютно,
Греку старому тепло.

22 ноября 1917

«Я, кто любовью так недужен...»

Я, кто любовью так недужен,
Беспомощен среди преград,
Быть может, я ей просто нужен,
Как развлечение, как наряд?

Быть может, я ее игрушка,
Забава тягостных минут,
Как та вон шитая подушка,
Как из фарфора лилипут?

Копной волос змеисто-рыжих,
Быть может, тешится она —
А я... зачем на сердце выжиг
Любви святыя письмена?

Ужели снова я обманут
Пожатьем маленькой руки?
Опять мечты бесследно канут
В глухое озеро тоски.

20 декабря 1917

«Я дрожал как в лихорадке...»

Я дрожал как в лихорадке,
Был от страсти знобко-пьян.
Аспирина две облатки
Положила мне в карман.

Погрозила пальчиком,
Губки сжала жалостно:
«Будь, смотри, пай-мальчиком,
Не болей, пожалуйста!»

21 декабря 1917

Разлука

Тихонько рукой барабанил,
Угрюмый и странно немой.
И чай в недопитом стакане
Покрыл перламутровый слой.

Чертил по клеенке квадраты...
Да, все разлетелось, как дым,
Свершилось, что было когда-то
Лишь призраком, зыбким и злым.

Ушла... Навсегда, без возврата.
Сказала: – Не жди, не встречай!..
И пальцы рисуют квадраты,
И стынет невыпитый чай.

1917

«В блокноте нашел я старый...»

В блокноте нашел я старый,
Наспех записанный адрес,
И вспомнился бал и пары,
И личика тонкий абрис...

Она ушла, как другие.
Весеннего счастья стопами.
И только буквы немые
Хранят о ней нежную память.

19 января 1918

«Вся хрупкая, вся зыбкая...»

Вся хрупкая, вся зыбкая,
Вся точно из углов,
С ребяческой улыбкою
Бросает блески слов.

Сверкнувши, вдруг завянет вся
И плачет, хохоча...
Кто любит – тот обманется,
Ведь к тайне нет ключа.

20 января 1918

«Нынче – ярко до слез. Мы вдвоем...»

Нынче – ярко до слез. Мы вдвоем.
Жизни чаша до края полна.
И смеется, смеется весна
В каждой брызге на платье твоём.

1 марта 1918

«Как сотни лет назад нечаянно и просто...»

Как сотни лет назад нечаянно и просто
Сегодня ночью тронулась река.
Услышав шум – я добежал до моста
И выбрал пост у серого «быка».

Ползла, лилась, рвалась набухшая лавина,
И в груды льдин, как нож, врезался «бык».
Ломаясь и толпясь, кричали глухо льдины,
И грозен был их тяжкий мертвый крик.

Но знал я: через день, а может, завтра к утру,
Хлебая и спеша, уйдет последний лед...
О, сердце! Научись вот так же сильно, мудро
Без боли уходить от тягостных тенет!

29 марта 1918

«Вечер закатный, весенний и вербный...»

Вечер закатный, весенний и вербный,
Лазоревый запад – лазурный восток,
В матовой дымке месяц ущербный.
Влага упала на липкий листок.

Солнце уйдет и, прощаясь, брызнет
Огненных маков каскад.
Я бы хотел, чтобы день моей жизни
Имел такой же яркий закат.

10 апреля 1918

«Почему я грущу? Вот чудак! Почему?..»

Почему я грущу? Вот чудак! Почему?
Почему нынче ветер утих?
Почему яркий день вдруг уносит зиму?
Почему так сложился мой стих?

Никогда никому не сказать почему,
И ответ – это тот же вопрос.
Все понятно и ясно тому одному,
Кто нас бросил в творимый хаос.

10 апреля 1918

«Я с Богом борюсь, как Иаков...»

Я с Богом борюсь, как Иаков,
Борюсь непрерывно и зло,
И много зияющих знаков
На душу, как раны, легло.

Я слышал чахоточный кашель,
Я видел растленных детей.
Мне промысел благостный страшен,
Мне жутко от Божьих затей.

Неправый, нездешний, недобрый —
Я вызов бросаю Ему!
Пока не сломаются ребра,
Я Божьей любви не приму.

29 апреля 1918

«Очень тщательно и строгонько...»

Очень тщательно и строгонько
Из пылинок мир сложил,
Все связуя четкой логикой,
Гордо голову носил.

Но упало беспокойное,
Стиснул голову хаос...
Зданье мощное и стройное
Подточила капля слез.

3 мая 1918

«Я живу и страдаю за всех...»

Я живу и страдаю за всех,
Мой удел осиянный и трудный.
Каждый жест, каждый вздох, каждый смех
В душу эхом доносится чудным.

Я во всех и нигде до конца,
В каждом миге я чувствую вечность,
Своего не имею лица,
Обреченный глядеть в бесконечность.

Я в бутоне провижу цветок.
Пыльный ветер на месте утеса...
Этот бисер связавшихся строк —
Претворенные брызги хаоса.

8 мая 1918

«Моя душа – причудливая сцена...»

Н.С. Триэру

Моя душа – причудливая сцена,
Где драму «Жизнь» готовит режиссер.
Сухая память служит как суфлер,
И репетиции идут бесменно.

Актеры в пьесе заняты все разом.
В ней действий столько, сколько дней живу.
И все творит во сне и наяву
Мой режиссер – спокойный четкий разум.

Но страсть и чувства плохо помнят роли,
И реплику суфлер не вовремя подаст,
И темп игры то слаб, то слишком част,
И пропадают зря ремарки воли.

Когда контракта срок в работе минет,
Придет другой – Великий Режиссер,
Тихонько звездный занавес раздвинет
И грим сотрет – актерский пестрый сор.

14 мая 1918

«Колеса размерно выстукивают...»

Колеса размерно выстукивают
Безличный и длинный мотив.
Задумчивый взор убаюкивают
Беззвучные коврики нив.

Устало полосу заканчивая,
Мужик натянул повода
И скрылся. А в небе обманчивом
Как искра, мигнула звезда.

Тоску избывая неистовую,
Вздыхая, завыл паровоз,
И ветер, по стенкам посвистывая,
Угарные вздохи принес.

Прощаясь, на окна захватанные
Закат уронил алый мак,
А сердце все ищет спрятанное,
И тянут колеса трепак.

20 мая 1918

«Юный клерк сидит за меморьялом...»

Юный клерк сидит за меморьялом,
Веки липнут словно ото сна,
И рука, суха и холодна,
Чертит цифры росчерком усталым.

Пять, один и двойки стройный выгиб,
Строчка букв, и снова пять и два.
Впился в грудь проклятый угол книги,
И набухла тяжело голова.

Юный клерк сидит за меморьялом,
За окном весенний день бежит.
Высоко проносятся стрижи,
И закат упал кораллом алым.

6 июня 1918

«Я люблю ходить по Зарядью...»

Я люблю ходить по Зарядью
Вдоль рядов москательных лавок.
Там так пахнет смоленным канатом,
Точно ходишь по пристани людной,
И как будто грохочет лебедка.
Рыбой пахнет и йодистым илом,
И прибойное ухает море
Близко-близко, за теми домами.
И душа, обманувшись счастливо,
Рифмовать приготовилась море...

12 июня 1918

«За годом год устало ставит вехи...»

La vida es sueño.
Кальдерон

За годом год устало ставит вехи.
В канве минут сплетенные в узор
Все наши слезы, беганья и смехи,
Как трафарет, печальный видит взор.

Идем путем разученно-конечным,
И через океан куда-то вплавь,
Но лишь на миг душа зажжется вечным,
И лишь во сне на миг увидишь явь.

Миллионы слов, что за день мы на скажем,
Вернутся вновь по замкнутой кривой —
Сегодня жизнь мне кажется миражем
Среди песка в пустыне мировой.

1 августа 1918

Картина Рубенса

Графины и плоды на блюде.
Как переспелый дерзкий плод,
Глядят полунагие груди,
И виден тела пьяный пот.

Веселье лиц румяно-алых,
Глаза и губы – все пьяно,
И в странно-вычурных бокалах
Навеки пенится вино.

Внизу румяных яблок стружки,
Небрежно сброшенный венок.
И развалившийся пьянчужка
В глубоком сне у голых ног.

1 августа 1918

Стихи на полях книги Овидия

Если хочешь встретить Пана,
Выйди утром рано-рано,
Чуть пропел петух,
И иди, пока прохлада,
К ручейку, где поит стадо
Молодой пастух.
Притаись в глухой орешник,
И пускай твой ум-насмешник
На часок уснет...
Свод небесный улыбнется,
Каждый кустик встрепенется,
Кто-то запоеет.
И увидишь в вихре диком
Пронесутся нимфы с криком,
А меж ними пьян,
Весь закутанный в росинки,
С нежной песней на сиринге
Горбоносый Пан.

3 августа 1918

«Я слишком пью из чаши бытия...»

Я слишком пью из чаши бытия
Напиток слез, желаний и веселья,
И буйный хмель оплачиваю я
Больной и четкой логикой похмелья.

Спадают маски, рвется жизни ткань,
И отовсюду пошлость корчит рожу.
Атлас мечты – как будничная рвань,
И знаю я, как черви гложут кожу.

Уходит жизнь. На сердце – белый шрам.
Вокруг хаос, как череп обнаженный.
И я стою, как горестный Адам,
Познавший все и радости лишенный.

3 августа 1918

«О, сколько бессмысленной боли!..»

О, сколько бессмысленной боли!
И редко бывая в тиши,
Я лишь напряжением воли
Скрепляю пылинки души.

Смеюсь, когда стиснуты зубы,
Борюсь, когда хочется спать,
Стараюсь быть каменно-грубым,
А сердце готово рыдать.

Калечу душевную лютню.
Над бездной по нитке скольжу,
А сзади и спереди будни
Знакомую чертят межу.

И только ночные раздумья,
И только ожоги грехов
Спасают меня от безумья,
Цепляясь в гирлянды стихов.

27 августа 1918

«В жестокий час, когда нас рок обидел...»

В жестокий час, когда нас рок обидел.
Когда весь мир в страданиях утонул,
Люблю тебя, немеркнувший Овидий,
И вас люблю, Гораций и Катулл.

Из тьмы веков, пройдя забвенья грани,
Ваш ясный лик приносит отдых мне.
Я в вас ищу врачей моих страданий.
Вы стали сном – и я живу во сне.

Под ветви мирт, к порогам милых граций,
Веди меня, Катулл, горячий друг,
А ты, житейский, двойственный Гораций,
С чела сними сует пустой недуг.

Ты, жрец любви. Овидий, помоги мне
В сердцах жестокость рифмой растопить,
Воспеть любовь и музу в светлом гимне.
Взнуздать тоску и ярко жизнь прожить.

5 сентября 1918

«Бегут поля с овсом и рожью...»

Бегут поля с овсом и рожью,
Глубок и ярок небосклон.
Пролетка пахнет прелой кожей,
И в сердце сладкий полусон.

Закатный свет кроваво-маков,
Привычен вид полей родных...
Как будто снова жив Аксаков,
И вечен бег перекладных.

Стрекозы плавно водят танцы,
Духи полей щекочут грудь —
И ждешь, что будет много станций
И долгий-долгий будет путь.

18 сентября 1918

«Вот так проживешь незамеченным...»

Вот так проживешь незамеченным,
Безмолвно в слепой пустоте,
И жизни вопрос неотвеченный
Рассеется в вечной мечте.

Пустые узоры прострочатся
В короткой минутной канве,
И смерть закует одиночеством
Неслышную музыку век.

Погаснет мятеж ощущения.
Замрет недосказанный стих,
И новые почки весенние
Томиться заставят других.

12 декабря 1918

«Присел у камина и съежился...»

Присел у камина и съежился,
И холодом сжалась душа,
А сумрак дробился и множился,
На угли змеисто дыша.

Веками прошедшими сдавленный,
В грядущие целил века,
И жгла словно уголь расплавленный,
Чело подпирая, рука.

И не было плоти и времени,
И жизнь обратилась в намек...
В душе из лучистого семени
Пугливый явился цветок.

12 декабря 1918

Портрет работы Боровиковского

Серебрится мягко-зыбко
Светлый шелк и нежный газ.
И неясная улыбка
В глубине раскосых глаз.

И в немом благоуханье
Чуть пожухлого холста
Слышишь легкое дыханье,
Видишь теплые уста.

А потом средь жизни пестрой
В предвечерний тихий час
Вдруг припомнишь остро-остро
Нежный взгляд раскосых глаз.

1918

«Восток взметнул оранжевые струи...»

Восток взметнул оранжевые струи,
Моргает день...
А на губах все тлеют поцелуи,
И в сердце – лень.
И на руке сияющим залогом —
Твое кольцо.
Дышать легко, и холодок немного
Свежит лицо.
Иду без дум любовью упоенный.
Кругом – весна.
И счастлив я, усталый и влюбленный,
И сплю без сна.

<1918>

«Устал от любви и работы...»

Устал от любви и работы,
Решил: проживу не любя.
Но сердце не хочет свободы,
И жизнь посылает тебя.
И я понимаю сразу,
Что вновь обречен я тобой
Искать голубые алмазы
Меж серых камней мостовой.

<1918>

«Сузилась алая трещина...»

Сузилась алая трещина.
Сумерки сжали закат.
За стенкою плакала женщина,
Звала кого-то назад.

Бились шаги под воротами,
Редко зажглись огоньки,
Грустными низкими нотами
Пели друг другу гудки.

В сердце, скользя гололедицей,
Разум усталый вошел...
В небе Большая Медведица
Вечным манила ковшом.

27 августа 1919

«Дома – одиночные камеры...»

Дома – одиночные камеры,
Город – большая тюрьма, —
И в этой каторге каменной
Все мы сойдем с ума.

Смертельно больны усталостью
В голодных скорбях о былом,
Мы стиснуты все безжалостно
Жестоким пустым ярмом.

Не видя конца сквозь ужасы,
Унылый творим Вавилон.
О, если б хватило мужества
Черных спугнуть ворон.

14 сентября 1919

«В смерти моей прошу никого не винить...»

«В смерти моей прошу никого не винить...»
А мог бы жить и работать – долго и много.
Нас довезут, – не надо спешить,
Всех довезут, а пока насладимся дорогой.

1919

«Стучали под ветром вывески...»

Стучали под ветром вывески,
Чернели осенние сумерки,
Звучали гудки отрывисто,
И краски, казалось, умерли.

Сверкал голубыми вспышками
Последний трамвай над улицей,
Как будто чиркали спичками,
А ветер тушил и хмурился.

Сторонкой, с закрытым воротом
Ходок запоздалый двигался...
И словно парило над городом
Дыханье романов Диккенса.

18 октября 1919

Памяти Н.И. Белякова-Горского

Не стало нашего «маэстро»...
Ушел вожатый юных дней,
И никогда уж не воскреснут
Беседы жаркие друзей.

Все уже круг – все шире пропасть.
Он первым вынул черный шар,
А нас бессмысленная лопасть
Все кружит в вихре лживых чар.

Сегодня, завтра – пляшут числа,
Теряешь жизнь за то, чтоб жить,
Но дни – без счастья, дни – без смысла,
И натянулась жизни нить.

Я верю лишь одной надежде:
В грядущем хаосе времен
Мы все увидимся, как прежде,
В краю, который видит он.

И снова вспыхнет, как когда-то,
Объединивший нас экстаз,
И снова будет он вожатым,
Узнавшим тайны прежде нас.

16 ноября 1919

«Дум бессчетных не издумаешь...»

Дум бессчетных не издумаешь,
Не избудешь всех забот,
А кругом пустые шумы лишь,
Жизнь, как марево, плывет.

Не зажгусь холодным пламенем —
По указке не сгореть.
Под линиялым красным знаменем
Бестолково ходит смерть.

За решетчатой оградой
Жизнь бесцельна и тесна...
Может, ты меня обрадуешь,
Неизменная весна?

8 марта 1920

«Незванно появился новый...»

В. Громову

Незванно появился новый
Кружок товарищей, подруг —
Но я смущен такой обновой
И рвусь к тебе, мой старый друг.

То, что зажглось в душе однажды,
То, что спасало нас с тобой,
Не может знать случайный, каждый,
Из тех, что вдруг пришли гурьбой.

Они сквозь шутки и остроты
Не разглядят души моей,
И не понятны им высоты
Стремленья творческого в ней.

Я ухожу от них усталый,
Впустую тратя свой экстаз,
И душ их тусклые кристаллы
Не зажигают мой алмаз.

И все сильнее к тебе стремленье:
Зажечься, вспыхнуть и творить!
Двух сопряженных душ горенья
Ничто не может заменить.

30 апреля 1920

«Спина – к земле, глаза – в простор...»

Спина – к земле, глаза – в простор.
Крутом – ковыль,верху – лазурь.
Не жди, не лги, бровей не хмурь.
Замрет мятеж, утихнет спор.

Дрожит лазурь, звенит ковыль.
Спина – к земле, в простор – глаза.
Печаль ушла, забылась боль.
Поэтом быть – моя стезя.

14 июня 1920

«Я богатства свои не меривал...»

Я богатства свои не меривал,
Не считал самоцветных колец,
Настеж дверцы из черного дерева
Распахнул мой чудесный ларец.

Я алмазы горстями раскидывал,
Не искал я лихих прибылей,
Я убытков своих не подсчитывал,
Был закон мой: «Сори, не жалеи!»

Весны канули... Солнышко летнее
Кудри зноем пошло развивать.
Вдруг почувствовал: горстка последняя,
Раскидаю – суму надевать.

Стало страшно, что вдруг перекинется
Через плечи худая сума,
Вдруг почувствовал: осень надвинется,
А за ней – морозянка-зима.

17 августа 1920

«Мы – дети скорби, гнева и печали...»

Мы – дети скорби, гнева и печали, —
Сквозь бездны лет впервые мы живем.
Творцы веков на нас не рассчитали, —
Мы одиноки на пути своем.

Что нам былые сказки, мысли, книги?
И солнца свет? И нежности весны?
Мы сотни лет переживаем в миге,
Мы хаосом бессмысленным пьяны.

Куда пойдем? К какой склонимся вере?
В тумане манят тысячи дорог.
Смешалось все. И люди стали звери.
И в сердце зверя вырос жуткий Бог.

Мы раскололи древние скрижали.
Как горько нам и как пустынно жить.
Творцы веков на нас не рассчитали, —
Мы будем хаос наново творить.

23 января 1921

Сон на страстной неделе

Уж близко Пасха... Сколько грез,
Веселья, нежности и ласки
Дарил нам радужный до слез,
Теперь – бесцветный праздник Пасхи.

...Гудят вокруг колокола,
И пахнут почками бульвары,
И ночи ласковая мгла
Вуалью накрывает пары.

Хохочем мы, а в теле – дрожь
От мглы и близких губ девичьих,
И как-то наново хорош
Знакомый серый дом кирпичный.

Вошли. Расселись. Новых пар
И взглядов свежесть засверкала.
И самовара белый пар
Среди тарелок и бокалов.

Какая радость до зари!
Ах, вальс прощальный – вихрь неистов!
А сердце бьется и горит
Огнем весенним, детским, чистым.

Мы собираемся домой,
Когда сквозь стекла брезжит утро,
И полог неба голубой
Окрашен нежно перламутром.

Глаза слипаются от сна,
И звонко кличут в небе птицы.
Весна в Москве, в душе – весна...
Как много снов весною снится!..

7 апреля 1920

«То взором ласковым, девичьим...»

То взором ласковым, девичьим
Сулит всевидящий уют
И обещает безразличье
Взамен терзающих минут.

То в вихре силы и веселья,
Когда ты любишь целый свет,
Костяшкой манит в злую келью,
В живом предчувствуя скелет.

То злобно портит миг отрады.
То лечит ум от праздных дум...
Смерть — обожает маскарады,
Меняя маску и костюм.

1921

Тебе. О тебе. И вокруг тебя

«Сумрак сизый стелет ризы...»

Сумрак сизый стелет ризы,
В синей прорези окна
Ты, как хрупкая маркиза,
Силуэтна и тонка.

Но я вижу, недотрога,
Ты стоишь ресницы ниц:
Ты боишься выдать много
Взмахом ласковых ресниц.

Живописно вьются складки,
Ткани твой целуют стан.
Ты умолкла, ты – загадка.
Я молчу, любовью пьян.

Нынче все мне объяснится —
Любопытство, радость, страх...
Подымаются ресницы, —
Что-то скажет этот взмах?

Рождество. 1925

«Тепло из телефонной трубки...»

Тепло из телефонной трубки
Мне голос, ласковый и хрупкий,
Тихонько «Здравствуй!» прозвенел.

Слова, творимые в разлуке,
Забыл, и льдом покрылись руки,
И провод в пальцах захрустел...

1925

«Мы лежим на желтом пляже...»

Мы лежим на желтом пляже
Близ синеющий воды.
Вдалеке, как картонажи,
Пестрых домиков ряды.

В небе тихо проплывают
Белым шелком облака,
Море – сонно напревает,
Даль – прозрачна и легка.

Только кровь неугомонно
В берег сердца бьет волной —
Потому что я – влюбленный,
Потому что ты – со мной.

1925

«Если б с тобой побежать по полю...»

Если б с тобой побежать по полю
Навстречу лучистому солнцу,
Забывши разом будни и боли,
И вечные тучи в оконце.

Упасть в траву и, обнявшись, смеяться,
И душу открыть всю разом...
А надо сидеть приличным паяцем
И клеить ненужные фразы.

1925

«Твой шаг, твой взгляд, твой смех и голос...»

Твой шаг, твой взгляд, твой смех и голос,
Твои духи и болтовня,
Твой каждый выбившийся волос —
Нужны, как воздух, для меня.

С тех пор, как в жизнь мою вошла ты,
Воскресли детские мечты,
Шаги – легки, стихи – крылаты,
И всюду – свет, и всюду – ты.

1925

«Завтра нет. Вчера уныло...»

Завтра нет. Вчера уныло.
Отнял день тяжелый труд.
Лишь сейчас, в объятьях милых,

Сердце вырвалось из пут.

Проживем минуты эти
Так, как будто нет других,
Будто все ушло на свете,
Кроме ласк и нас двоих.

1925

«Когда люблю всерьез и сильно...»

Когда люблю всерьез и сильно,
Я не могу хитрить и лгать.
Скрывать я искренность бессилён,
Мне фраз фальшивых не связать.

Любовь я хитростью не мучу,
Я отдаюсь, как солнцу, ей...
И чем люблю сильнее и жгуче,
Тем мне недужней и больней.

1925

«Живешь и будешь жить далеко...»

Живешь и будешь жить далеко
С другим – и близким и чужим.
А я – забытый – одиноко
Пойду сквозь хаос, муть и дым.

Но, может, в редкий миг унылый,
Когда всю явь сотрет тоска,
Ты сядешь и напишешь: «Милый!» —
В углу почтового листка.

1925

Надпись на «Книге Песен» Генриха Гейне

Я тяжелым сном забылся, —
Был я болен от работы,
От работы, от заботы.
От того, что не с тобой.

Милый Гейне мне приснился,
Улыбнулся с мудрой лаской
И на лоб горячий руку мне тихонько положил.
Не горюй! – сказал мне Гейне. —
Все страдали, все любили.
Без страданий нет поэта.
Без печали нет любви.

Пусть сегодня – ты не с нею,
Пусть сегодня с ней другие, —
Ты с любовью «Книгу Песен»
Ей пошли от нас двоих.

Пусть она ее читает
После шумных разговоров,
После танцев и веселья.
Перед сном, наедине.

Ты же верь, люби и помни:
Нелегко любить поэта. —
Ведь никто-никто не любит
Так жестоко, как поэт.

И нагнувшись к изголовью,
На прощанье милый Гейне
Мне шепнул слова такие,
От которых боль прошла.

Он проник мне прямо в душу.
Он шепнул, что скоро-скоро
Навсегда мы будем вместе:
«Книга Песен», ты и я.

12 марта 1934

Надпись на книге Пушкина «Пиковая дама»

Дарю тебе напоминанье
Любимой оперы твоей —
Рассказ о роке, о страданье
И о величии страстей.
Будь вечно юной и прекрасной,
И среди жизненных интриг
Пусть обойдет тебя опасный,
Коварный образ Дамы пик.
И если рок ударит строго,
Меня, как Германна, губя, —
Пускай цветет твоя дорога,
И солнце светит – для тебя.

Конец 30-х годов

Стихотворения

Жаркая просьба

Солнце, одумайся, милое! Что ты!
Кочегары твои, видно, спятели.
Смотри, от твоей сверхурочной работы
Расплавилась все обыватели.
В тресте, на фабрике, – всюду одурь!
Ты только взгляни, порадуйся:
Любой деляга хуже, чем лодырь,
Балдеет от каждого градуса...
Зря вот ты, солнце, газет не читаешь,
Прочти и прими во внимание:
Ты нам без толку жару пускаешь,
А у нас срываешь задание.
Пойми, такая жара – преступление,
Дай хоть часок холодненький.
Смотри: заразились знойной ленью
Лучшие профработники!
Перо едва дотащилось до точки,
Не хочешь – а саботируешь.
Солнце смеется и сушит строчки...
Разве его сагитируешь?

1925

В Москву!

Рвет на клочья встречный ветер
Паровозный сизый дым.
Над полями тает вечер...
Хорошо быть молодым!

С верхней полки ноги свесив,
Шуткой девушек смешить,
Коротать дорогу песней,
Волноваться и спешить.

Пусть туманом даль намокла,
Никнет блеклая трава,
Ветер свистом лижет стекла.
«С-с-скоро крас-с-сная Мос-с-сква!»

Едут все кругом учиться,
Не вагон, а целый вуз!
Светят молодостью лица,
Паровоз ворчит и злится
И везет, везет в столицу
Небывало шумный «груз».

Крики, споры, разговоры,
Хохот дружный и густой...
– Говорю же, это скорый!
– Нет, не скорый, а простой!
– Стыдно, друг, в путейцы метишь,
А с движеньем не знаком!
– Ой, как долго!.. Едешь, едешь...
– Кто пойдет за кипятком?!

– Нет, товарищ, вы, как страус,
Не пыряйте под крыло,
«Фауст» есть, конечно, «Фауст»,
Но что было, то прошло!

Взять хоть образ Маргариты,
Что он сердцу говорит?
– Эх, брат, что ни говори ты,
Трудно жить без Маргарит...

– Слушай, Нинка, ты отстала,
Петухом не налетай.
О фосфатах ты читала?
О коррозии металла

Не читала? Почитай!..

Позабыв о жарком лете,
Мокнет блеклая трава,
В стекла бьется скользкий ветер,
И вдали туманно светит
Необъятная Москва.

Паровозный дым, как войлок,
Рваным пологом плывет.
Точно конь, почуяв стойло,
Паровоз усилил ход.

Станционные ограды
Глухо сдвинулись вокруг...
Эй, Москва! Прими, как надо,
Молодежные отряды
Дружной армии наук!

1932

Два мира

На жадных стариков и крашенных старух
Все страны буржуазные похожи, —
От них идет гнилой, тлетворный дух
Склерозных мыслей и несвежей кожи.

Забытой юности не видно и следа,
Позорной зрелости ушли бывшие свойства...
Ни мускулов, окрепших от труда,
Ни красоты, ни чести, ни геройства.

Надет парик на впалые виски,
И кровь полна лекарством и водою,
Но жадно жить стремятся старики
И остро ненавидят молодое.

Укрыв на дне столетних сундуков
Кровавой ржавчиной подернутые клады,
Они боятся бурь и сквозняков,
Насыпав в окна нафталин и ладан.

У двери стерегут закормленные псы,
Чтоб не ворвался свежей мысли шорох,
И днем и ночью вешают весы:
Для сытых — золото, а для голодных — порох.

Бесстыден облик старческих страстей, —
Наркотиком рожденные улыбки,
И яркий блеск фальшивых челюстей,
И жадный взор, завистливый и липкий.

Толпа лакеев в золоте ливрей
Боится доложить, что близок час последний
И что стоит, как призрак у дверей,
Суровый, молодой, решительный наследник!

* * *

Страна моя! Зрачками смелых глаз
Ты пристально глядишь в грядущие столетья,
Тебя родил рабочий бодрый класс,
Твои любимцы — юноши и дети!

Ты не боишься натисков и бурь,

Твои друзья – природа, свет и ветер,
Штурмуешь ты небесную лазурь
С энергией, невиданной на свете!

И недра черные и полюс голубой —
Мы все пойдем, отыщем и подыдем.
Как весело, как радостно с тобой
Быть смелыми, как ты, и молодыми!

Как радостно, что мысли нет преград,
Что мир богов, и старческий и узкий,
У нас не давит взрослых и ребят,
И труд свободный наливает мускул!

Чтоб мыслить, жить, работать и любить,
Не надо быть ни знатным, ни богатым,
И каждый может знания добыть —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.